

К Р И Т И К А.

СОЧИНЕНИЯ Т. Н. ГРАНОВСКАГО. *Томъ первый.*

Москва. 1856.

Когда, по смерти замѣчательнаго ученаго или поэта, даются его друзьями и почитателями обѣщанія издать полное собраніе его сочиненій, публика не обольщается надеждою, что слова эти непремѣнно будутъ исполнены; а тому, чтобы обѣщанія исполнились скоро и удовлетворительно, она рѣшительно не вѣритъ. И нельзя не сказать, что такая недовѣрчивость основательна: публика была слишкомъ часто обманываема подобными обѣщаніями. Лѣтъ пять заставили се ждать дополнительныхъ томовъ къ первому посмертному изданію твореній Пушкина (1841 года), и—Боже!—каково было это изданіе! Любители курьезныхъ книгъ должны дорожить имъ, какъ дивной небрежности и неряшества вѣшняго и вѣнтернаго, какъ рѣдкостью, достойною занимать мѣсто на ряду съ тѣмъ знаменитымъ изданіемъ Виргиліи, въ которомъ списокъ типографскихъ и другихъ погрѣшностей наполнилъ въ полтора раза болѣе страницъ, нежели самый текстъ. Относительно русской поэзіи довольно этого примѣра. Наука наша еще несчастнѣе на посмертныя изданія. Укажемъ одинъ случай: Прейсъ, одинъ изъ первыхъ славянистовъ Европы, оставилъ много сочиненій; но почти всѣ они хранились еще въ рукописи, когда постигла его слишкомъ ранняя смерть. Напечатаны имъ при жизни были только немногія и небольшія по объему статьи, удивляющія ученостью и глубокомысліемъ. Важность оставшихся въ рукописи трудовъ его была несомнѣнна. Нѣсколько лѣтъ мы постоянно слышали, что рукописи Прейса готовятся къ изданію... вотъ прошло десять лѣтъ, а еще ни одна строка изъ нихъ не явилась въ печати, да и самые слухи объ изданіи совершенно замолкли: довольно, должно быть, того, что поговорили о немъ. Такихъ фактовъ можно было бы припомнить десятки. Не удивительно послѣ того, что публика мало надѣется на посмертныя изданія.

Тѣмъ болѣе чести друзьямъ покойнаго Грановскаго, которые приняту ю на себя священную обязанность исполняютъ, какъ видишь, ревностно и честно. Первый томъ обѣщаннаго изданія уже въ рукахъ публики; второй явится черезъ два или три мѣсяца, и, такимъ образомъ, еще до истеченія года со времени тяжелой потери, нанесенной не только нашей наукѣ, но и обществу русскому смертью автора, друзья его исполнять ту часть своего долга, совершеніе которой зависитъ исключительно отъ ихъ усердія: два тома эти соединяютъ въ себѣ все, что было напечатано Грановскимъ при жизни. Остается другая, еще болѣе важная, половина дѣла: напечатать по рукописи Грановскаго составленную имъ часть учебника всеобщей исторіи, и, по выпискамъ его слушателей, знаменитые его университетскіе курсы. Ревность, уже доказанная издателями, ручается за то, что и тутъ они сдѣлаютъ все, зависящее отъ нихъ, для удовлетворенія ожиданій публики. Надобно надѣяться, что имъ удастся дать намъ полные курсы Грановскаго.

Внѣшній видъ изданія совершенно удовлетворителенъ. Цѣна назначена очень умѣренная—три рубля за два большіе тома: очевидно, издатели заботятся о томъ, чтобы дешевизна книги позволяла большинству небогатыхъ читателей приобрѣтать изданіе. Прекрасный примѣръ, котораго не должны были бы дожидаться другіе издатели, возбуждающіе противъ себя справедливый ропотъ за то, что слишкомъ высокою цѣною препятствуютъ должному распространенію въ массѣ публики книгъ наиболѣе любимыхъ, и необходимыхъ каждому образованному человѣку. Г. Кудрявцевъ, на которомъ лежатъ главные труды по изданію, какъ видно изъ предисловія, и г. Соловьевъ, раздѣлявшій съ нимъ заботы по редакціи, приобрѣтаютъ этимъ прекраснымъ дѣломъ новое право на признательность публики.

Характеръ предисловія, приложеннаго къ первому тому, заставляетъ насъ сдѣлать догадку, въ справедливости которой нельзя сомнѣваться, принимая во вниманіе энергію, съ какою друзья Грановскаго заботятся о его памяти. «Извѣстіе о литературныхъ трудахъ Грановскаго», написанное г. Кудрявцевымъ, занимается исключительно характеристикю литературныхъ пріемовъ и ярвычекъ покойнаго историка, нисколько не касаясь его біографіи. Это заставляетъ думать, что жизнеописаніе его составляетъ предметъ отдѣльнаго и обширнаго труда. Въ планѣ изданія, объясняемомъ г. Кудрявцевымъ, не упоминается о выборѣ изъ корреспонденціи Грановскаго, безъ сомнѣній, очень важной для его біографіи, да и вообще для исторіи нашей литературы: это служитъ новымъ подтвержденіемъ выраженной выше догадки. Итакъ, есть основанія думать, что жизнь Грановскаго будетъ намъ рассказана со всею возможною въ настоящее время полнотою. Съ живѣйшимъ интересомъ будемъ ожидать этой біографіи, а пока воспользуемся тѣми свѣдѣніями, какія сообщаетъ предисловіе, для характеристики привычекъ Грановскаго, какъ литератора.

Грановскій писалъ гораздо менѣе, нежели должно было желать. Чѣмъ объяснить это? Ужели только нелюбовью къ механическому труду, соединенному съ изложеніемъ мыслей на бумагѣ? Такъ думали иные. Г. Кудрявцевъ находитъ это слишкомъ поверхностное объясненіе неудовлетворительнымъ и приводитъ другія, гораздо вѣрнѣйшія.

«Въ Грановскомъ (говорить онъ) соединились два качества, которыя не часто встрѣчаются вмѣстѣ: умъ его былъ столько же ясный и живой, сколько и основательный. Его не удовлетворяло поверхностное знаніе предмета, первое знакомство съ нимъ. Его не пугали самыя трудныя задачи науки: онъ любилъ брать ихъ «съ боя» (какъ самъ же онъ выразился въ одной своей статьѣ), но не довольствовался своею первою побѣдою. Не останавливаясь на первомъ полученномъ успѣхѣ, онъ находилъ въ немъ лишь новыя побужденія къ тому, чтобы усилить занятіи предметомъ. Чѣмъ больше знакомился онъ съ вопросомъ, тѣмъ больше любилъ углубляться въ него. Однажды выработанная мысль не принимала въ немъ навсегда неподвижную форму, закрытую для всякаго дальнѣйшаго развитія. Каждое новое изслѣдованіе, соприкасающееся съ предметомъ его занятій, наводило его на новыя соображенія. Оттого нерѣдко случалось, что Грановскій, уже обдумавшъ свой собственный планъ, или отвязывался отъ него, или отлагалъ на неопредѣленное время его исполненіе, находя, что онъ еще не довольно соотвѣтствовалъ еременнымъ требованіямъ науки. Время, между тѣмъ, наводило нашего ученаго на другіе вопросы, и возбужденная ими любознательность вызывала его на новыя занятія. Такимъ образомъ, нѣсколько обширныхъ плановъ, задуманныхъ имъ еще во время пребыванія за границею, остались неисполненными, хотя для нихъ уже заготовлено было много матеріала..... Съ необыкновенною живостью перехода отъ одного вопроса науки къ другому, Грановскій никогда, впрочемъ, не терялъ изъ виду прежнихъ задачъ: напротивъ, онъ часто возвращался къ нимъ съ новымъ воодушевленіемъ, — но за то и съ болѣею взыскательностью къ самому себѣ. Не довольно было, чтобы мысль много занимала его: онъ не прежде приступалъ къ литературной обработкѣ ея, какъ давши ей созрѣть въ себѣ, и достигнуть яснаго пониманія ея въ самыхъ подробностяхъ.... Грановскій былъ вовсе чуждъ того литературнаго легкомыслія, которое спѣшитъ всякую случайно намернувшуюся мысль тотчасъ передать публикѣ.... Говоря о Грановскомъ, какъ о писателѣ, не надобно также забывать его въ высокой степени симпатическую природу, постоянную обращенную ко всѣмъ живымъ явленіямъ въ современности. Можно сказать, что ни одно замѣчательное явленіе въ умственномъ мірѣ въ общественномъ быту не ускользало отъ его вниманія. Мысль его устремлялась всюду, гдѣ только находила слѣдъ человѣческой дѣятельности.... Нѣкоторые читатели были очень изумлены, увидѣвъ напечатанное въ одномъ журналѣ, съ вменемъ Грановскаго, чтеніе «Объ Океаніи въ ея жителяхъ»: съ какой стати было ему говорить объ Океаніи? Какимъ образомъ мысль историка могла быть завлечена въ такую неисторическую страну? Дѣло, однако, объясняется очень просто. Гдѣ только находилось какое нибудь людское общество, тамъ непремѣнно хотѣла присутствовать и неутомимая мысль нашего ученаго... До насъ дошло лишь одно такое чтеніе; но читатель можетъ судить по немъ, какое обширное изученіе предмета авторъ обыкновенно полагалъ въ основаніе своихъ выводовъ.—Если дальній и малоизвѣстный свѣтъ такъ много занималъ вашего ученаго, то можно себѣ представить, съ какимъ живымъ интересомъ слѣдилъ онъ за всѣмъ тѣмъ, что дѣлалось и происходило вокругъ него. Современныя общественныя явленія не имѣли между нами болѣе воспримчиваго органа для себя. Все, что было въ вѣхъ отраднаго, такъ въ горькаго.—все это входило самый искренній и горячій отзывъ въ его душѣ... Понятно, что, при такой чувствительности къ современному, вопросы, предлагаемые наукою о прошлой жизни, нерѣдко уходили на задній планъ. Это не значить, конечно, чтобы Грановскій терялъ ихъ изъ виду; но передъ лицомъ великихъ современныхъ событій они нерѣдко теряли тотъ животрепещущій интересъ, который тотчасъ ищетъ себѣ выхода въ литературу.... Къ тому же, сообщительный отъ природы, любя болѣе всего живое, свободное слово, онъ часто довольствовался этимъ средствомъ сообщенія своихъ мыслей... Оттого-то, между прочимъ, Грановскій предпочиталъ столько любимую имъ форму публичныхъ чтеній всякому другому способу изложешя своихъ мыслей».

Прибавимъ къ этому другія обстоятельства, на которыя намекаетъ г. Кудрявцевъ,—между прочимъ, что литературная форма у васъ очень узка, если можно такъ выразиться; что Грановскій былъ доволенъ своимъ сочине-

ниемъ только тогда, когда успѣвалъ сообщить мысли совершенно художественную форму, подъ которою, конечно, надобно понимать не только вѣтвиную обработку слога, но также полноту и ясность развитіи мысли,—и намъ не будетъ казаться страннымъ, что Грановскій писалъ мало. Это было слѣдствиемъ того, что онъ вѣрно понималъ свое положеніе и обязанности. У насъ въ дѣлѣ науки почти совершенно нѣтъ раздѣленія работъ, потому что мало людей, приготовленныхъ къ ученому труду. Ученый, одаренный способностями, которые ставятъ его выше толпы, до сихъ поръ еще находится въ положеніи, отчасти сходномъ съ положеніемъ Ломоносова: не одно дѣло, а десять, двадцать дѣлъ долженъ брать онъ въ свои руки, если хочетъ быть истинно полезнымъ. Въ Германіи, въ Англіи историкъ можетъ спокойно обрабатывать избранный предметъ, не развлекаясь ничѣмъ—онъ служитъ науку, и только; весь долгъ его ограничивается тѣмъ, чтобы быть трудолюбивымъ специалистомъ—остальнымъ потребностямъ общества удовлетворяютъ другіе люди. У насъ положеніе истиннаго ученаго, какимъ былъ Грановскій, еще не таково. До сихъ поръ онъ служитъ не столько своей частной наукой, сколько просвѣщенію вообще—задача, несравненно болѣе обширная. Извѣстно, что западные ученые почти всегда избираютъ предпочтительнымъ предметомъ своихъ занятій одну какую нибудь часть исторіи: иной трудится почти исключительно надъ разработкою греческой исторіи, другой римской, третій—исторіи Италіи или Германіи, да и то не во всемъ ея объемѣ, а преимущественно или въ средніе вѣка, или въ эпоху возрожденія, или въ новое время. Кромѣ этого небольшого участка, всѣ остальные народы и времена уже не развлекаютъ его силъ и вниманія: то особенные участки, о которыхъ нечего заботиться, потому что они обрабатываются другими дѣятелями. У насъ не то: дѣятелей такъ мало, что они еще не могутъ ограничиваться разработкою отдѣльныхъ частей науки—иначе большая часть ея останется еще совершенно чуждою, невѣдомою нашему обществу; они даже не могутъ сосредоточить своего вниманія на избранной ими специальной наукѣ.—потому что другіи, сродныя съ нею, необходимы для ея успѣховъ, отрасли знаній не находятъ еще себѣ воздѣлывателей; ученый, понимающій свое отношеніе къ потребностямъ публики, все еще чувствуетъ у насъ слишкомъ сильную потребность быть не столько специалистомъ, сколько энциклопедистомъ. Не трудное и почетное въ ученомъ смыслѣ дѣло—заняться разработкою эпохи феодализма или реформаціи, греческой или нѣмецкой исторіи—тутъ можно создать творенія капитальныя, которыми данный вопросъ двинется впередъ для науки, и ученая слава награждаетъ труженика. Но то ли у насъ нужно? Прежде, нежели заботиться о движеніи впередъ науки, надобно позаботиться о томъ, чтобы усвоить ее нашему обществу—подвигъ вовсе не блестящій, въ научномъ смыслѣ, подвигъ не специалиста, увѣнчиваемаго музою Клио, а просвѣтителю своей націи, за отреченіе отъ обольщеній личной славы вознаграждаемаго только сознаніемъ, что онъ дѣлаетъ полезное для общества дѣло. Есть люди, которые думаютъ, будто наше общество уже достаточно ознакомилось съ наукою въ современномъ ея состояніи, которые даже удивляются богатству и основательности знаній въ нашемъ обществѣ. «Познанія у насъ, русскихъ, такъ разнообразны и обширны (восклипаютъ эти люди, слишкомъ довѣрчивые къ своему), умственные

способности такъ развиты, ясность и быстрота понятій доведены до такой высшей степени, что изумишься поневолѣ!» («Моск. Сборн.» 1846 г., статья г. Хомякова: «Мнѣніе русскихъ объ иностранцахъ» стр. 151). Но въ этомъ изумленіи отъ вашихъ чрезвычайныхъ умственныхъ богатствъ гораздо больше субъективныхъ, нежели объективныхъ основаній, или, пожалуй, больше доброй воли, нежели основательности. На самомъ дѣлѣ, у насъ очень мало людей, которые слѣдили бы за наукою,—тѣмъ больше, разумеется, чести немногимъ, дѣйствительно слѣдящимъ за нею. Но обязанность ихъ совершенно не та у насъ, какъ на Западѣ, потому что они должны дѣйствовать въ обществѣ, находящемся не на той степени умственного развитія, какъ западное общество. Тамъ прогрессъ состоитъ въ дальнѣйшей разработкѣ самой науки, у насъ до сихъ поръ еще въ томъ, чтобы полнѣе усвоивать результаты, которыхъ уже достигла наука; тамъ на первомъ планѣ стоятъ потребности науки. у насъ—потребности просвѣщенія.

Грановскій понимаетъ это и служилъ не личной своей ученой славѣ, а обществу. Этимъ объясняется весь характеръ его дѣятельности. Специальная наука его была исторія. Чего недостаетъ намъ въ настоящее время по этой важной отрасли знаній? Чѣмъ мучится наше общество? Тѣмъ ли, что многіе очень важные вопросы въ этой наукѣ еще не разрѣшены? Ничего; оно даже не предчувствуетъ существованія этихъ неразрѣшенныхъ вопросовъ, и если слышитъ, что въ наукѣ еще не все сдѣлано, то наивно предполагаетъ нерѣшенными именно тѣ вопросы, которые уже давно объяснены ¹⁾.

¹⁾ До какой степени простирается эта ошибка, можно видѣть, напримѣръ, изъ статьи «Московского Сборника», о которой упоминала мы выше. Авторъ, безогорно принадлежалъ къ числу просвѣщеннѣйшихъ людей у насъ, говорить, что ваши ученые должны рѣшить тѣ важнѣйшіе вопросы въ исторіи, которые не рѣшены западною наукою, и сѣтуетъ на нашихъ историковъ за то, что не двинули этихъ вопросовъ впередъ, не оказала о нихъ ничего новаго. Каковы же задача, неразъясненные, по мнѣнію автора, науки? Вотъ онѣ: «Догадались ли мы, что каждый народъ представляетъ такое же живое лицо, какъ и каждый человекъ, вѣ что внутреннее его жизнь есть ничто иное, какъ развитіе какого нибудь нравственнаго или умственнаго начала, осуществляемаго обществомъ?» (Объ этомъ давно вѣтъ твердятъ съ голою Гегеля; трудно найти историческую книгу за послѣднія двадцать лѣтъ, въ которой бы дѣло отъ налагалось неудовлетворительно; въ настоящее время скучно уже и говорить о подобныхъ вещахъ). «Самые важные явленія въ жизни человѣчества остались неважнѣнными. Такъ, напримѣръ, критика историческая не замѣтила, что многое утратилось и обмѣнилось въ мѣстожахъ и поананіяхъ человѣческихъ, при переходѣ изъ Эллады въ Римъ и отъ Рима къ романнапрованнымъ племенамъ Запада». (Съ того времени, какъ принялись за изученіе греческихъ классиковъ, каждому навѣотно, что греки въ наукѣ и поэзіи были выше римлянъ, что Гомеръ выше Виргилія, передъ Платономъ и Аристотелемъ ничтоженъ Платонъ, какъ философъ, и т. д.; а то, что латинскіе классики ненамного выше ореднебѣковыхъ писателей, было вѣтъмъ извѣстно даже въ средніе вѣка). «Такъ раздѣленіе Ипперіи на двѣ половины послѣ Діоклетиана и Константина является постоянно дѣломъ грубой случайности, между тѣмъ, какъ очевидно оно происходило отъ разницы между просвѣщеніемъ влиственнымъ и римскимъ». (Да у какого же историка представляется оно дѣломъ грубой случайности? И какой историкъ не понимаетъ и не объясняетъ, что дѣленіе произошло отъ разницы между цивилизаціей греческой и римскаго міра, Восточной и Западной имперіи? и т. д. смотр. «Московский Сборникъ» 1846 г., статья г. Хомякова, стр. 157—160). Въ исторіи очень много неразрѣшенныхъ вопросовъ; но къ нимъ ничего не принадлежитъ задачи, на которыя указываетъ русскому историку авторъ: о предметахъ, имъ нечислаемыхъ, на русскій, ни аѣмскій, ни французскій историкъ не можетъ сказать ничего существенно новаго, потому что они объяснены очень удовлетворительно. Говоря о нихъ что нибудь различное отъ настоящихъ рѣшеній, давно данныхъ наукою, можно развѣ только повторять контравверситовъ и схоластиковъ,—напримѣръ, въ вопросахъ о Взаимствіи Адама Церникава (Zernikaw—Зерниковъ? Жерниковъ?)—тутъ будетъ еще меньше новаго и самостоятельнаго, нежели въ согласіи съ основательными рѣшеніями современной науки.

Возможность подобных недоразумѣній ясно указываетъ на то, въ чемъ состоитъ истинная потребность нашего общества: въ настоящее время, ему нужно заботиться о томъ, чтобы короче познакомиться съ наукою въ ея современномъ положеніи. Оно и само требуетъ отъ своихъ ученыхъ именно этой, а не какойнибудь другой услуги; они должны быть посредниками между наукою и обществомъ. Таковъ и былъ Грановскій. Но если мы до сихъ поръ еще слишкомъ мало усвоили себѣ науку, то главною виною этому въ настоящее время должны считаться не какіянибудь внѣшнія препятствія, какъ то было до Петра Великаго, а равнодушіе самого общества ко всѣмъ высшимъ интересамъ общественной, умственной и нравственной жизни, ко всему, что выходитъ изъ круга личныхъ житейскихъ заботъ и личныхъ развлеченій. Это наслѣдство котошихинскихъ временъ, временъ страшной апатіи. Привычки не скоро и не легко отбрасываются и отдѣльнымъ лицомъ; тѣмъ медленнѣе покидаются онѣ цѣлымъ обществомъ. Мы еще очень мало знаемъ не потому, чтобы у насъ не было дарованій — въ нихъ никто не сомнѣвается, — не потому, чтобы у насъ было мало средствъ — великій народъ имѣетъ силу дать себѣ все, чего серьезно захочетъ, — но потому, что мы до сихъ поръ все еще дремлемъ, отъ слишкомъ долгаго навыка къ сну. Оттого-то существеннѣйшая польза, какую можетъ принести у насъ обществу отдѣльный подвижникъ просвѣщенія, посредствомъ своей публичной дѣятельности, состоитъ не только въ томъ, что онъ непосредственно сообщаетъ знаніе — такой даровитый народъ, какъ нашъ, легко приобретаетъ знаніе, лишь бы захотѣлъ — но еще болѣе въ томъ, что онъ пробуждаетъ любознательность, которая у насъ еще не достаточно распространена. Въ этомъ смыслѣ, лозунгомъ у насъ должны быть слова поэта:

Ты вставай, во мракѣ спящій братъ!

Наконецъ, на людяхъ, щедро надѣленныхъ природою и высоко развитыхъ наукою, есть у насъ еще обязанность, мало развлекающая силы западныхъ ученыхъ. Общество даетъ у насъ мало опоры научнымъ и человѣчнымъ стремленіямъ: воспитаніе наше обыкновенно бываетъ неудовлетворительно: оно не полагаетъ твердыхъ основаній нашей будущей дѣятельности, не влагаетъ въ насъ никакого сильнаго стремленія, никакого опредѣленнаго взгляда на самые простые житейскіе и умственные вопросы. Потому, даже въ людяхъ наиболѣе даровитыхъ и развитыхъ, по уму, знанію и положенію имѣющихъ призваніе быть дѣятелями просвѣщенія, по большей части не бываетъ никакихъ бодрыхъ и рѣшительныхъ стремленій; мысли ихъ колеблются, перепутываются, дѣятельность не имѣетъ никакой опредѣленной цѣли; они часто готовы блуждать сами въ смутномъ хаосѣ недоумѣній, по волѣ случая направляясь то туда, то сюда, не приходя и сами ни къ чему достойному вниманія, не только не проводя за собою другихъ къ какойнибудь возвышенной цѣли. Для нихъ бываетъ нуженъ человекъ, который постоянно возбуждалъ бы въ нихъ желаніе искать истинный путь, постоянно указывалъ бы направленіе ихъ дѣятельности, рѣшалъ бы ихъ недоумѣнія, который былъ бы для нихъ авторитетомъ и оракуломъ. Вообще, часто бываетъ нужно возетавать противъ слѣпаго увлеченія авторитетами; быть можетъ, настанетъ время, когда люди най-

дуть, что могут обходиться и безъ авторитетовъ: тогда люди будутъ гораздо счастливѣе, нежели были до сихъ поръ. Но пока — и это «попа» продолжится еще дѣльные вѣка — сила привычки и апатіи такъ еще сильна, что большинство чувствуетъ себя спокойнымъ и увѣреннымъ только тогда, когда встрѣчаетъ объясненіе стремленіемъ вѣка и ободреніе своимъ мыслямъ въ какомъ нибудь авторитетѣ. Особенно должно сказать это о нашемъ молодомъ обществѣ. Оно не можетъ, кажется, шагу ступить безъ поддержки какой нибудь сильной отдѣльной личности. Явленіе, если говорить правду, само по себѣ прискорбное; но что жъ дѣлать, когда иначе не бываетъ въ извѣстныхъ періодахъ развитія? Поневоля надобно признать, что люди, которые были авторитетами добра и истины, заслуживаютъ глубокой благодарности за пользу, которую принесли, за успѣхи, совершенные подъ ихъ вліяніемъ и пока невозможные безъ нихъ.

Такова была доля Грановскаго въ дѣлѣ нашего развитія. Онъ былъ однимъ изъ сильнѣйшихъ посредниковъ между наукою и нашимъ обществомъ; очень немногія лица въ нашей исторіи имѣли такое могущественное вліяніе на пробужденіе у насъ сочувствія къ высшимъ человѣческимъ интересамъ; наконецъ, для очень многихъ людей, которые, отчасти благодаря его вліянію, приобрѣли право на признательность общества, онъ былъ авторитетомъ добра и истины. Все это, какъ видимъ, не принадлежитъ къ числу тѣхъ специальныхъ заслугъ, на которыхъ зиждется слава ученаго. А, между тѣмъ, въ нихъ-то именно и должно состоять истинное значеніе ученаго въ нашемъ обществѣ. То, что стало уже второстепеннымъ дѣломъ на Западѣ, у насъ еще составляетъ существеннѣйшій вопросъ жизни; то, чего требуетъ отъ своихъ людей Западъ, еще не требуется нашимъ обществомъ. Люди, которые скорбятъ о томъ, что наше общество, наше просвѣщеніе и т. д. какъ двѣ капли воды походитъ на западное общество, западное просвѣщеніе и т. д., оскорбляются фактами, рѣшительно созданными ихъ воображеніемъ. Еслибъ мы раздѣляли ихъ понятія, мы, напротивъ, повсюду видѣли бы поводъ къ радости: сходства между нами и Западомъ пока еще не замѣтно ни въ чемъ, если хорошенько вникнемъ въ сущность дѣла.

Такъ, напримѣръ, и Грановскій былъ возможенъ только у насъ. Человѣкъ, по природѣ и образованію призванный быть великимъ ученымъ и шедшій во всю жизнь неуклонно и неутомимо по ученой дорогѣ, не оставилъ, однако, по себѣ сочиненій, которыми наука двигалась бы впередъ (единственное средство къ приобретенію имени великаго ученаго на Западѣ, — и, между тѣмъ, каждый изъ насъ говоритъ, что онъ несомнѣнно былъ великимъ ученымъ и исполнилъ все, къ чему привывалъ его долгъ ученаго. Кажется, такого сужденія нельзя обвинять въ подражательности западнымъ примѣрамъ; мы не знаемъ даже, можно ли его сдѣлать вразумительнымъ для нѣмца или англичанина, не обрусѣвшаго въ значительной степени. Такъ и во всемъ: наше общество все мѣритъ своимъ аршиномъ, а вовсе не французскимъ метромъ (хотя онъ гораздо удобнѣе) и не англійскимъ футомъ (хотя онъ и введенъ у насъ, на словахъ). За оригинальность нашу нечего опасаться: сильнѣе обстоятельство времени не будетъ никто, подчиняется имъ всякій.

Однако, почему же Грановскій писалъ мало и не оставилъ сочиненій,

двигающихъ науку впередъ? Потому, что онъ былъ истинный сынъ своей родины, служившій потребностямъ ея, а не себѣ. Не знаемъ, сознавалъ ли онъ, на какую высоту становится, какую блестящую славу снискиваетъ, отказываясь отъ своей личной ученой славы. По всей вѣроятности, онъ и не думалъ объ этомъ: онъ былъ человѣкъ простой и скромный, не мечтательный, о себѣ, не знавшій самолюбія; надобно даже предполагать, что онъ и не приносилъ тяжкой для гордости жертвы, отказываясь отъ легко исполнимаго при его силахъ стремленія занять почетное мѣсто въ наукѣ капитальными трудами. Онъ просто исполнялъ свой долгъ, употребляя свои силы сообразно требованіямъ занимаемаго имъ положенія въ русскомъ обществѣ. Положеніе было таково, что всѣ лежавшія на немъ требованія общества и науки существенно исполнялись живымъ словомъ, — и литературная дѣятельность была для него только повтореніемъ, только дѣломъ досуга и личной, случайной охоты повторить на бумагѣ то, что уже достигло своей цѣли посредствомъ живаго слова. Какъ профессоръ Московскаго Университета, безъ всякихъ сравненій значительнѣйшаго изъ ученыхъ учреждений Россіи по вліянію на жизнь общества и развитіе нашего просвѣщенія, Грановскій имѣлъ кругъ дѣятельности, едва ли менѣе обширный, нежели кругъ дѣйствій литературы. Непринужденность изложенія, полнота выраженія мысли, какая давалась ему живымъ словомъ, не существуетъ въ литературѣ. Какое же побужденіе могъ онъ имѣть для повторенія въ искаженномъ видѣ того, что уже было сообщено публикѣ? Онъ не нуждался въ литературѣ, какъ посредницѣ между нимъ и публикою. Но, однакожъ, онъ долженъ былъ чувствовать важность литературы, долженъ былъ и на нее простираť свое вліяніе? И для этого точно также не имѣлъ онъ надобности писать. Его высокій умъ, обширныя и глубокія познанія, удивительная привлекательность характера сдѣлали его центромъ и душою нашего литературнаго кружка. Всѣ замѣчательные ученые и писатели нашего времени были или друзьями, или послѣдователями его. Вліяніе Грановскаго на литературу въ этомъ отношеніи было огромно. Конечно, возможность такого дѣйствія чрезъ бесѣду, чрезъ личныя отношенія, связывающихъ людей въ одинъ кружокъ, обусловливается малочисленностью нашего литературнаго сословія. Въдь если разобратъ хорошенько, у насъ въ этомъ отношеніи и до сихъ поръ существуетъ порядокъ вещей, мало чѣмъ отличный отъ того, что было во времена «Бесѣды любителей Русскаго Олова» и «Арзамаса»: всѣ наши литераторы и ученые наперечетъ, каждый изъ нихъ лично знакомъ со всѣми остальными; это совершенно не то, что въ Германіи, Франціи, Англіи, гдѣ они считаются сотнями и тысячами, гдѣ всеобщее знакомство — вещь невозможная. У насъ, если хотите, и вообще наука и литература отчасти семейное дѣло, и, по патріархальному обычаю, въ ней устными разговорами и тому подобными догугтенберговскими средствами ведется многое, что въ какой нибудь Германіи можетъ существовать и обнаружить дѣйствіе только при помощи типографскихъ чернилъ.

Такимъ образомъ, Грановскій удовлетворялъ всѣмъ условіямъ своего положенія, обнаруживалъ все свое вліяніе, не нуждаясь въ посредствѣ литературныхъ трудовъ, которые были для него дѣломъ второстепеннымъ. Тѣмъ не менѣе, литературная его дѣятельность вовсе не такъ незначительна по

объему, какъ полагали нѣкоторые, не думавшіе, чтобъ изъ напечатаннаго Грановскимъ при жизни составились два большіе тома. Что касается важности его сочиненій и особенно духа, проникающаго всѣ ихъ, тутъ едва ли можетъ быть мѣсто спору. Конечно, какъ и о всемъ на свѣгѣ, объ ученомъ достоинствѣ сочиненій Грановскаго существуютъ мнѣнія, не совершенно согласныя. Одни, изъ благоговѣнія къ автору, благородная личность и чрезвычайно плодотворная дѣятельность котораго дѣйствительно заслуживаютъ всевозможнаго уваженія, готовы поставить его произведенія во всѣхъ отношеніяхъ слишкомъ высоко; другіе, не принимая въ уваженіе особенныхъ требованій русскаго общества отъ науки, находятъ, что сочиненія Грановскаго не имѣютъ качествъ, необходимо требуемыхъ отъ капитальнаго ученаго труда въ Германіи или Франціи. Но дѣло въ томъ, что разнорѣчіе этихъ, повидимому, противоположныхъ сужденій существуетъ преимущественно только въ тонѣ, а не въ самой мысли. Одинъ, по личнымъ чувствамъ своимъ къ автору, говорятъ о его сочиненіяхъ голосомъ любви, другіе, также по своимъ чувствамъ къ личности автора, голосомъ недовольства. Но и самые жаркіе поклонники Грановскаго хорошо понимаютъ, что собственно въ европейской наукѣ его сочиненія не могутъ произвести эпохи, потому что не таково въ настоящее время призваніе русскихъ ученыхъ; и самые смѣлые изъ возстававшихъ противъ Грановскаго признавали въ его сочиненіяхъ, кромѣ мастерскаго изложенія и другихъ литературныхъ достоинствъ, чрезвычайно замѣчательную ученость и глубокомысліе ¹⁾.

Дѣйствительно, сочиненія Грановскаго, напечатанныя при его жизни (сужденію о его университетскихъ курсахъ мы должны отложить до того времени, когда они будутъ обнародованы), не будучи таковы, чтобъ ими производился переворотъ въ наукѣ, какъ производился онъ трудами Гизо, Шлоссера или Нибура, показываютъ, однако же, въ авторѣ такіе качества ума и такое обширное знаніе, что нельзя не признать его однимъ изъ первыхъ историковъ нашего вѣка, ученымъ, который былъ не ниже знаменитѣйшихъ европейскихъ историковъ; что въ Россіи не имѣлъ онъ соперниковъ, это всегда было очевидно для каждаго. Внимательное и строгое разсмотрѣніе собранныхъ нынѣ его статей убѣждаетъ въ томъ. Панегирикъ Грановскому не нужно, и потому разборъ нашъ будетъ совершенно чуждъ хвалебнаго элемента; но чѣмъ онъ безпристрастнѣе, тѣмъ несомнѣннѣе общій выводъ, теперь высказанный.

Издатели распредѣлили сочиненія Грановскаго на три отдѣла: 1) сочиненія общаго историческаго содержанія: «О современномъ состояніи и значеніи всеобщей исторіи»; «О фیزیологическихъ признакахъ человѣческихъ породъ»; «О родовомъ бытѣ у древнихъ германцевъ». 2) Частныя изслѣдованія: «Судьбы еврейскаго народа»; «Волинь, Іомсбургъ и Винета»; «Аббатъ Сугерій»; «Четыре историческія характеристики: Тимуръ, Александръ Великій, Людовикъ IX и Бэконъ», «Пѣсни Эдды о Нифлунгахъ» (оба эти отдѣла вошли въ составъ перваго тома). 3) Критическія статьи, изъ которыхъ составитъ второй томъ. Мы не находимъ причинъ отступать отъ этого порядка въ своемъ обзорѣ.

Рѣчь «О современномъ состояніи и значеніи всеобщей исторіи» была

¹⁾ Мы говоримъ, конечно, о мнѣніи людей анающихъ въ той и другой оартіи, не обращая вниманія на выходки нѣкоторыхъ неовѣдущихъ людей, неважество которыхъ было тогда же и изобличено.

произнесена въ торжественномъ собраніи Московскаго Университета, въ 1852 году. Издатели справедливо почли нужнымъ дать ей первое мѣсто въ первомъ отдѣлѣ, «потому, что въ ней изложены самыя зрѣлыя понятія автора о наукѣ, которая составляла главный предметъ его занятій».

Исторія принадлежитъ къ числу тѣхъ наукъ, быстрымъ усовершенствованіемъ которыхъ гордятся новѣйшія времена. Надобно даже сказать, что исторія, какъ мы нынѣ понимаемъ ее, какъ «изображеніе постепеннаго развитія жизни рода человѣческаго», возникла только въ послѣднія времена. Ни классическій міръ, ни средніе вѣка не знали ея въ этомъ смыслѣ. Тѣ ученые, которые назначаютъ самый древній срокъ возникновенію настоящаго понятія объ исторіи, называютъ отцомъ ея великаго Вико (въ началѣ прошедшаго вѣка), потому что книга Воэсюэта (въ кониѣ XVII столѣтія), «Трактатъ о всеобщей исторіи», не имѣетъ значенія, которое хотѣли придать ей нѣкоторые французскіе историки. Другіе, съ болышею основательностью, относятъ начало всеобщей исторіи къ заслугамъ Монтескьё и Гердера. Еще справедливѣе судить тѣ, которые говорятъ, что истинное понятіе о всеобщей исторіи развито преимущественно Кантомъ, его учениками и послѣдователями; но едва ли не ближе всѣхъ къ истинѣ то мнѣніе, что только нашему вѣку удалось ясно постичь идею всеобщей исторіи, потому, что только съ Гегеля, Гизо, Нибура, Шлоссера начинается дѣятельная разработка этой идеи; только въ твореніяхъ этихъ великихъ ученыхъ и ихъ послѣдователей мы находимъ первые значительные опыты дать человѣчеству полный и точный разсказъ о его жизни. Но и эти труды, какъ ни колоссальны по своему значенію, все еще далеко не удовлетворительны. Недостатки ихъ заключаются не въ однихъ частныхъ несовершенствахъ исполненія, но еще болѣе въ недостаточности общаго плана, односторонности и неполнотѣ воззрѣнія на жизнь человѣчества. Жизнь рода человѣческаго, какъ и жизнь отдѣльнаго человѣка, складывается изъ взаимнаго проникновенія очень многихъ элементовъ: кромѣ внѣшнихъ эффектныхъ событій, кромѣ общественныхъ отношеній, кромѣ науки и искусства, не менѣе важны нравы, обычаи, семейныя отношенія, наконецъ матеріальный бытъ: жилище, пища, средства добыванія всѣхъ тѣхъ вещей и условій, которыми поддерживается существованіе, которыми доставляются житейскія радости или скорби. Изъ этихъ элементовъ только немногіе до сихъ поръ введены въ составъ разсказа о жизни человѣчества. Такъ называемая политическая исторія, то есть разсказъ о войнахъ и другихъ громкихъ событіяхъ, до сихъ поръ преобладаетъ въ разсказѣ историковъ, между тѣмъ, какъ въ дѣлѣ она имѣетъ для жизни рода человѣческаго только второстепенную важность. Исторія умственной жизни, да и то только въ тѣсномъ кругу немногочисленныхъ классовъ, принимающихъ дѣятельное участіе въ развитіи наукъ и литературы, одна только раздѣляетъ съ политическою исторіею право на вниманіе автора, — да и только въ немногихъ сочиненіяхъ, до сихъ поръ остающихся рѣдкими исключеніями въ массѣ историческихъ книгъ: да и тутъ она играетъ второстепенную роль. Исторія нравовъ обращаетъ на себя еще гораздо менѣе вниманія. О матеріальныхъ условіяхъ быта, играющихъ едва ли не первую роль въ жизни, составляющихъ коренную причину почти всѣхъ явленій, и въ другихъ высшихъ сферахъ жизни, едва упоминается, да и то самымъ слабымъ и неудовлетво-

рительнымъ образомъ, такъ что лучше было бы, еслибъ вовсе не упоминалось. Не говоримъ уже о томъ, что въ сущности вся исторiя продолжается быть по преимуществу сборникомъ отдѣльныхъ бiографiй, а не рассказомъ о судьбѣ цѣлаго населенiя, то есть скорѣе похожа на сборникъ анекдотовъ, прикрываемыхъ научною формою, нежели на науку въ истинномъ смыслѣ слова ¹⁾.

Чѣмъ ближе вникаемъ мы въ труды, совершенные понынь для исторiи, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что нынѣ мы имѣемъ только идею о томъ, чѣмъ должна быть эта наука, но едва еще видимъ первые, одностороннiе опыты осуществить эту идею. Не будемъ разсматривать причинъ, по которымъ практика такъ отстала въ этомъ случаѣ отъ теорiи: это завлекло бы насъ слишкомъ далеко; скажемъ только, что, съ одной стороны, затрудненiемъ служатъ скудость и необработанность матеріаловъ для исторiи тѣхъ элементовъ жизни, которые до сихъ поръ упускались изъ виду. Съ другой стороны, едвали не важнѣйшимъ еще препятствiемъ надобно считать узкость и отвлеченность обыкновеннаго взгляда на человѣческую жизнь. Антропологiя только еще начинаетъ утверждать свое господство надъ отвлеченною моралью и одностороннею психологiею.

Какъ всѣ еще не установившияся науки, исторiи часто испытываетъ измѣненiя, состоящи въ томъ, что вниманiе изслѣдователей постепенно обращается то на одинъ, то на другой изъ элементовъ науки, которые прежде были забываемы. Рѣчь Грановскаго имѣетъ своимъ главнымъ предметомъ одно изъ значительнѣйшихъ приобрѣтенiй, доставленныхъ исторiи союзомъ съ естественными науками, которыхъ прежде не хотѣла она знать. При той чрезвычайной важности, какую играетъ въ жизни и должна приобрѣсть въ исторiи натуральная сторона человѣческаго быта, понятно, что влiявiе естественныхъ наукъ на исторiю должно современемъ сдѣлаться неизмѣримо сильнымъ. Въ настоящее время еще очень немногiе историки предчувствуютъ это. Грановскiй принадлежалъ къ числу ихъ. Въ очеркѣ, который могъ быть только плодомъ глубокаго изученiя, соединеннаго съ рѣдкою проницательностью, изобразивъ развитiе идеи всеобщей исторiи до великаго Нибура, давнаго въ первый разъ прочныя основанiя исторической критикѣ, Грановскiй сосредоточиваетъ мысль на новой эрѣ, возникающей для науки отъ приложенiя къ ней великихъ результатовъ, достигаемыхъ естествознанiемъ. Поводомъ къ этому эпизоду по-

¹⁾ Чтобы указать примѣръ того, какъ тѣсенъ еще горизонтъ всеобщей исторiи въ лучшихъ сочиненiяхъ, приводимъ планъ сочиненiя Гизо, который понималъ науку шире, нежели кто нибудь изъ другихъ великихъ историковъ. Заключая первый годъ своихъ чтенiй объ «Исторiи цивилизаций», онъ дѣлаетъ общiй обзоръ содержанiя своихъ лекцiй, и говоритъ, что предметомъ ихъ была «политическая и церковная исторiя, исторiя законодательства, философи и литературы». Очевидно, что этою программою, кромѣ политической исторiи, занимающей первое мѣсто, обнимается только часть умственной жизни народа, многiя сферы которой остались нетронутыми. О матеріальной сторонѣ жизни программа и не упоминается. Вообще, Гизо часто повторяетъ, что излагаетъ исторiю «внутренней жизни человѣка и его отношенiй въ другимъ людямъ»: объ исторiи отношенiй человѣка къ природѣ и не упоминается, а между тѣмъ, въ природѣ источникъ человѣческой жизни, и вся жизнь хореннымъ образомъ опредѣляется отношенiями въ природѣ. Само собою разумѣется, что мы указываемъ на Гизо не за тѣмъ, чтобы укорить его за односторонность, а, напротивъ, потому, что онъ въ смыслѣ, занимающемъ теперь насъ, стоитъ выше другихъ историковъ нашего времени. Программа Шаюссера, другаго замѣчательнѣйшаго историка по обширности взгляда на содержанiе своей науки, немногимъ отличается отъ программы Гизо.

служилъ ему вопросъ о значеніи человѣческихъ породъ, который раньше другихъ разрѣшонъ теперь съ нѣкоторою степенью удовлетворительности.

«Заслуга Нибура—говорить Грановскій—не ограничилась введеніемъ новыхъ и точныхъ пріемовъ критики. Еще будучи юношею, въ частной перепискѣ своей, онъ высказать нѣсколько смѣлыхъ и плодотворныхъ мыслей о необходимости дать исторіи новыя, заимствованныя изъ естествознанія основы. Историческое значеніе человѣческихъ породъ не ускользнуло отъ его вниманія; но ему не привелось развить вполне и положить въ дѣлу свои предположенія объ этомъ столь важномъ предметѣ... Около того же времени, вопросъ о породахъ началъ занимать пытливые умы въ Германіи. Фориель, братья Тьерри и другіе ученые старались объяснить отношенія различныхъ народностей, преемственно господствовавшихъ на почвѣ Франціи и Англіи. Они озарили яркимъ свѣтомъ начало средневѣковыхъ народовъ и обществъ, но не рѣшались переступить чрезъ обычные грани историческихъ изслѣдованій и оставили въ сторонѣ фзіологическіе признаки тѣхъ породъ, которыхъ историческія особенности были ими тщательно опредѣлены. Надобно было, чтобы натуралистъ подалъ наконецъ голосъ противъ такого стѣненія нашей науки и указалъ на связь ея съ фзіологіею. Въ 1829 году Эдвардъ издалъ письмо свое къ Амедею Тьерри о фзіологическихъ признакахъ человѣческихъ породъ и отношеній ихъ къ исторіи. Высказанныя въ по этому поводу мысли были приняты съ общимъ одобреніемъ, но до сихъ поръ еще не принесли желаемой пользы... Уступки, сдѣланныя историками новымъ требованіямъ, были болѣею частью внѣшнія. Дальнѣйшее упрямство, впрочемъ, невозможно, и исторія, по необходимости, должна выступить изъ круга наукъ филолого-юридическихъ, въ которомъ она такъ долго была заключена, на обширное поприще естественныхъ наукъ... Дѣйствуя за одно съ антропологіею, она должна обозначить границы, до которыхъ достигали въ развитіи своемъ волненія породы человѣчества, и показать вамъ ихъ отличительныя, данныя природою и проявленныя въ движеніи событій, свойства... Но не одною этою только стороною граничить исторія съ естествознаніемъ. Еще древніе замѣтали рѣшительное вліяніе географическихъ условій, климата и природныхъ опредѣленій вообще на судьбу народовъ. Монтескье довелъ эту мысль до такой крайности, что првнесъ ей въ жертву самостоятельную дѣятельность человѣческаго духа. Несмотря на то, отношеніе человѣка къ занимаемой имъ почвѣ и ихъ взаимное дѣйствіе другъ на друга еще никогда не были удовлетворительнымъ образомъ объяснены. Великое твореніе Карла Риттера, принимающаго землю за «храмину, устроенную Провидѣніемъ для воспитанія рода человѣческаго», проложило, конечно, новыя пути историкамъ нашего времени; но многіе ли воспользовались этими трудными путями и предпочли ихъ прежнимъ, пробитымъ безчисленными предшественниками тропинкамъ? Вонеднѣй теперь въ употребленіе обычай снабжать историческія сочиненія географическими введеніями, заключающими въ себѣ характеристику театра событій, показываеъ только, что зачѣмъ и успѣхи сравнительнаго землѣдѣнія обратили на себя вниманіе историковъ и заставили ихъ измѣнить въсколько форму своихъ произведеній. Самое содержаніе немного выиграло отъ этого нововведенія. Географическіе обзоры, о которыхъ мы упомянули, рѣдко соединены органически съ дальнѣйшимъ изложеніемъ. Предпославъ труду своему бѣглый очеркъ описываемой страны и ея произведеній, историкъ съ спокойною совѣстью переходитъ къ другимъ, болѣе знакомымъ ему предметамъ и думаетъ, что вполне удовлетворилъ современнымъ требованіямъ науки. Какъ будто дѣйствіе природы на человѣка не есть постоянное, какъ будто оно не видоизмѣняется съ каждымъ великимъ шагомъ его на пути образованности? Навѣ еще далеко не извѣстны всѣ таинственныя нити, привязывающія народъ къ землѣ, на которой онъ выросъ и изъ которой вынмствуетъ не только средства физическаго существованія, но значительную часть своихъ нравственныхъ свойствъ. Распределеніе произведеній природы на поверхности земнаго шара находится въ тѣнѣйшей связи съ судьбою гражданскихъ обществъ. Одно растение условливаетъ иногда цѣлый бытъ народа. Исторія Ирландіи была бы, безспорно, иная, если бы картофель не составлялъ главнаго пропитанія для ея жителей...»

Всгдъ затѣмъ Грановскій указываетъ на важнѣйшія мѣста статьи г. Бэра, одного изъ глѣхъ ученыхъ, которыми можемъ мы гордиться, «О азіянія внѣшней природы на соціальныя отношенія отдѣльныхъ народовъ и исторію чело-вѣчества». Это сочиненіе не обратило у насъ на себя того вниманія, какого заслуживаетъ. Грановскій и въ этомъ случаѣ, какъ въ очень многихъ другихъ, показалъ себя человѣкомъ, который далеко превышаетъ другихъ знаніемъ всего, что совершается въ наукѣ, и способностью оцѣнивать по достоинству фазисы ея современнаго развитія. Вообще, даже большая часть людей, стоящихъ у насъ во главѣ умственнаго движенія, живутъ, по мѣткому житейскому выраженію, еще «заднимъ числомъ» и считаютъ новѣйшимъ то, что въ движеніи науки было новымъ десять или двадцать лѣтъ тому назадъ. Слова Пугачева о русскихъ книгахъ, что въ нихъ «русскій умъ зады твердитъ», остаются справедливыми до сихъ поръ, и сочиненія Грановскаго принадлежатъ къ небольшому числу исключеній изъ этого правила: изъ его словъ дѣйствительно можно «узнавать судьбу земли» ¹⁾).

Переходя отъ фактовъ, долженствующихъ служить содержаніемъ исторіи, къ основаніямъ общаго воззрѣнія на эти факты или методу науки, Грановскій опять показываетъ, что въ новѣйшее время понятія объ этомъ вопросѣ также уяснились. Попытки спекулативнаго построенія исторіи, фаталистическое воззрѣніе и, съ другой стороны, стремленіе ограничиться простынъ переложеніемъ лѣтописныхъ сказаній на современный языкъ обнаружили свою неудовлетворительность. Какой же методъ должна принять исторія? Союзъ съ точными науками долженъ помочь ей и въ этомъ дѣлѣ, говоритъ Грановскій:

«Ни одно изъ исчисленныхъ нами воззрѣній на исторію не могло привести къ точному методу, недостатокъ котораго въ ней такъ очевиденъ. Усовершенствованный, или лучше сказать, созданный Нибуромъ способъ критики приноситъ величайшую пользу при разработкѣ источниковъ извѣстнаго рода, но отнюдь не удовлетворяетъ потребности въ приложеніи къ полному составу науки методѣ. Въ этомъ случаѣ исторія опять должна обратиться къ естественнѣйшій и заимствовать у него свойственный ему способъ наслѣдованія. Начало уже сдѣлано въ открытіи законовъ исторической аналогіи. Остается идти далѣе на этомъ пути, раздвигая, по возможности, тѣсныя предѣлы, въ которыхъ до настоящаго времени заключена была наша наука. У исторіи двѣ стороны: въ одной является нѣтъ свободное творчество духа чело-вѣческаго.

¹⁾ Сокровища роднаго олова
(Забѣгать важные умы)
Для лепетанія чужаго
Пренебрегли безумно мы.
Мы любимъ музъ чужихъ игрушки,
Чужихъ нарѣчій погремужки,
А не читаемъ книгъ своихъ.
Да гдѣ жъ онѣ? Давайте ихъ!

И гдѣ жъ ми первыя поананья
И мысли первыя наши?
Гдѣ повѣримъ попытанья,
Гдѣ узнаемъ оудбу земли?
Не въ оереводахъ одичалыхъ,
Не въ сочиненныхъ запоздалыхъ.
Гдѣ русскій умъ и русскій духъ
Зады твердитъ и лжетъ на другъ.
(Отрывки изъ альбома Онѣгина).

въ другой — независимость отъ вѣто. Новый методъ долженъ возникнуть въ внимательнаго ввученіи фактовъ міра духовнаго и природы въ ихъ взаимодействіи. Только такими образомъ можно достигнуть до прочихъ основныхъ началъ, т. е. до леваго знанія завоновъ, опредѣляющихъ движеніе историческихъ еобытій. Можетъ быть, мы найдемъ тогда въ этомъ движеніи правильность, которая теперь ускользаетъ отъ нашего вняванія. Въ разсматриваемомъ вами вопросѣ статистика опередила исторію. «Въ противоположность ариватиямъ вѣтшіямъ—говоритъ Кетле—факты общественные, опредѣляемые свободнымъ провзволомъ челоѣка, совершаются съ большею правильностью, нежели фанты, подверженныя простому дѣйствию физическихъ причинъ. Исходя въ этого основнаго начала, можно сказать, что нравственная статистика должна отнынѣ занять мѣсто въ ряду опытныхъ наукъ». Мы не въ правѣ сказать того же объ исторіи. Пока она не усвоитъ себѣ надлежащаго метода, ее нельзя будетъ назвать опытною наукою».

Но къ чему же должна вести челоѣка исторія? Конечно, наука не можетъ быть подчиняема вѣтшіямъ требованіямъ, ея истины не должны быть искажаемы въ угодность частнымъ и временнымъ интересамъ. Въ этомъ заключается справедливость аксіомы—«цѣль науки есть самая наука». Но каждое знаніе обращается во благо челоѣку, и рвеніе, съ которымъ разрабатывается та или другая отрасль науки, зависитъ отъ того, въ какой мѣрѣ удовлетворяетъ она той или другой, нравственной или житейской, умственной или матеріальной потребности челоѣка. Каждое знаніе оказываетъ вліяніе на жизнь, и исторія, наука о жизни челоѣчества, не должна остаться безъ вліянія на его жизнь; и кто захочетъ нынѣ трудиться надъ бесполезнымъ для челоѣка?

«Современный намъ историкъ не можетъ отказаться отъ законной потребности нравственнаго вліянія на своихъ читателей. Вопросъ о томъ, какого рода должно быть это вліяніе, тѣсно связанъ съ вопросомъ о пользѣ исторіи вообще... Очевидно, что практическое значеніе исторіи у древнихъ, основанное на возможности непосредственнаго примѣненія ея уроковъ къ жизни, не можетъ имѣть мѣста при сложномъ организмѣ новыхъ обществъ. Къ тому же, однообразная игра страстей и заблужденій, искажающихъ судьбу народовъ, привела многихъ къ заключенію, что историческіе опыты проходятъ безплодно, не оставляя поучительнаго слѣда въ памяти челоѣческой... Тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать въ массахъ нѣвѣстнаго историческаго смысла, болѣе или менѣе развитаго на основаніи сохранившихся преданій о прошедшемъ... Приведеннымъ нами выше слова Кетле о статистикѣ со временемъ получатъ приложеніе и въ нашей наукѣ. Ей предстоитъ совершить для міра нравственныхъ явленій тотъ же подвигъ, какой совершенъ естествовѣдѣніемъ въ принадлежащей ему области. Открытія ватуралистовъ разсѣяли вѣковыя и вредныя предразсудки, затмѣвавшіе взглядъ челоѣка на природу: знакомый съ ея дѣйствительными силами, онъ пересталъ приписывать ей несуществующія свойства и не требуетъ отъ неѣ невозможныхъ уступокъ. Уясненіе историческихъ законовъ приведетъ къ результатамъ такого же рода. Оно положитъ коѣцъ несбыточнымъ теоріямъ и стремленіямъ, нарушающимъ правильный ходъ общественной жизни, ибо обличитъ ихъ противорѣчіе съ вѣчными цѣлями, поставленными челоѣку Провидѣніемъ. Исторія сдѣлается, въ высшемъ и обширѣйшемъ смыслѣ, тѣмъ у древнихъ, наставницею народовъ и отдѣльныхъ лицъ и явится намъ, не какъ отрѣзанное отъ насъ прошедшее, но какъ цѣльный организмъ жизни, въ которомъ прошедшее, настоящее и будущее находятся въ постоянномъ между собою взаимодействіи: «Исторію—говоритъ америнанецъ Эмерсонъ—не долго будетъ безплодною книгою. Она воплотится въ каждомъ разумномъ и правдивомъ челоѣкѣ. Вы не станете болѣе исчислять заглавіи въ каталоги прочитанныхъ вами книгъ, а дадите имъ почувствовать, ваше періоды пережиты вами. Каждый изъ насъ долженъ обратиться въ полный храмъ славы. Онъ долженъ носить въ себѣ допотопный міръ, золотой вѣкъ, яблоко знанія, походъ Аргонатовъ, припаѣніе Авраама, построеніе храма, начало христіанства, средній вѣкъ.

возрожденіе наукъ, Реформацію, открытіе новыхъ земель, яозникновеніе новыхъ знаній в новыхъ народовъ. Надобно, однимъ словомъ, чтобы исторія слилась съ біографіею самого читателя, превратилась въ личное «его воспоминаніе...»

И за этимъ воззрѣніемъ, постигаемымъ еще немногими, но равно принадлежащимъ всякому истинно современному историку, Грановскій тотчасъ же выражаетъ самъ себя,—быть можетъ, вовсе не сознавая, что говоритъ уже о себѣ, характеризуетъ отгѣнокъ воззрѣнія, возводимый до просвѣтленія грустной науки его кроткою и любящею личностью:

«Даже въ настоящемъ, далеко не совершенномъ видѣ своемъ, всеобщая исторія. болѣе чѣмъ всякая другая наука, развиваетъ въ насъ вѣрное чувство дѣйствительности и ту благородную терпимость, безъ которой нѣтъ истинной оцѣнки людей. Она показываетъ различіе, существующее между вѣчными, безусловными началами нравственности и ограниченнымъ пониманіемъ этихъ началъ въ данный періодъ времени. Только такою мѣрою должны мы мѣрять дѣла отжившихъ поколѣній. Шиллеръ сказалъ, что смерть есть нашъ примиритель. Эти слова могутъ быть отнесены къ нашей наукѣ. При каждомъ историческомъ проступкѣ, она приводитъ обстоятельства, смягчающія вину преступника, кто бы онъ былъ овъ—цѣлый народъ или отдѣльное лицо. Да будетъ намъ позволено сказать, что тотъ не историкъ, кто не способенъ перенести въ прошедшее живаго чувства любви къ ближнему и узнать брата въ отдѣленномъ отъ него вѣками иноплеменикѣ. Тотъ не историкъ, кто не сумѣлъ прочесть въ изучавшихъ имъ лѣтописяхъ и грамотахъ начертанныя въ нихъ яркими буквами истины: въ единыхъ вѣковыхъ періодахъ жизни человѣчества есть искупительныя, видимыя намъ на разстояніи столѣтій стороны, а въ лѣтѣ самого грѣшваго предъ судомъ современниковъ сердца таится одно какое нибудь лучшее и чистое чувство...»

Мы такъ долго останавливались на этой рѣчи, приводили изъ нея столько отрывковъ не потому только, что она дѣйствительно принадлежитъ къ числу произведеній, какихъ немного въ цѣлой нашей литературѣ: мы считали также нужнымъ, чтобы читатель имѣлъ передъ глазами примѣръ, на которомъ могъ бы провѣрять справедливость сужденія, которое необходимо высказать прямымъ образомъ о собственно ученой сторонѣ сочиненій Грановскаго. Мы упоминали, что нѣкоторые смотрѣли на нее съ недовѣрчивостію и если не рѣшались, по инстинктивному сознанію своей слабости въ научномъ дѣлѣ и своей неправоты, высказывать сонявніи открыто, то не упускали случаевъ вернуть какой нибудь таинственный намекъ объ этомъ предметѣ. Мы помнимъ даже, что одинъ полубездарный компиляторъ, открывшій,

Разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ,

что Англія обширнѣе Россіи, и тѣмъ заставившій иныхъ возымѣть выгодное мнѣніе о его занятіяхъ,—помнимъ, что онъ въ какой-то географической или статистической статьѣ дерзнулъ вставить замѣчаніе, что Тамерланъ былъ ничтожный человѣкъ, котораго могутъ считать достойнымъ вниманія исторія только тупоумные и безнравственные люди. Вы, можетъ быть, и не догадались, что это былъ смертный приговоръ Грановскому, избравшему Тимура предметомъ одной изъ своихъ публичныхъ лекцій, читанныхъ въ 1851 году. Возражать подобнымъ приговорщикамъ, конечно, не стоитъ; но нравственное уродство доходитъ иногда до такой негѣпости, что интересно бываетъ раземотрѣть причины его образованія. Цѣнители литературныхъ произведеній раздѣляются на

два класса: одни имѣютъ настолько ума и знаній, что могутъ судить о предметѣ по его внутреннимъ качествамъ, понимать сущность дѣла, другіе неспособны къ этому, по недостаточному знакомству съ дѣломъ или по непроницательности взгляда. Что-жъ остается дѣлать послѣднимъ, когда они одарены такимъ самолюбіемъ, что непремѣнно хотятъ дѣлать приговоры о вещахъ, сущность которыхъ не доступна ихъ пониманію? Они хватаются за вѣншіе признаки и, напримѣръ, если дѣло идетъ о поэтическомъ произведеніи, руководятся именемъ автора: прочтите имъ «Бориса Годунова», сказавъ, что эту драму написалъ бездарный человѣкъ, они рѣшатъ, что драма плоха; прочтите «Таньку, разбойницу Ростокинскую», сказавъ, что романъ этотъ написалъ г. Лажечниковъ, и они скажутъ, что романъ хорошъ. Это люди простые и невзыскательные. Когда рѣчь пойдетъ объ ученыхъ предметахъ, иные судьи руководствуются болѣе замысловатыми основаніями: вѣдь ученость дѣло мудреное. За то примѣты, по которымъ она узнается непонимающими ея людьми, очень ясны, такъ что ошибка невозможна: непонятный языкъ, тяжелое изложеше, множество безполезныхъ ссылокъ, заносчивость автора, присво-ящаго себѣ все, что сдѣлано другими. Особенно послѣднее качество полезно: есть люди, которые повѣрятъ вамъ на слово, если вы скажете, что вы первый открыли, что Александръ Македонскій побѣдилъ персовъ, и жестоко будете изобличать вашихъ предшественниковъ, которые всѣ ошибались и не понимали, что Александръ Македонскій былъ герой. Вы можете иныхъ увѣрить даже въ томъ, что не Колумбъ, а вы открыли Америку: вѣдь увѣрилъ же въ этомъ очень многихъ Америкъ Веспучій. Но горе вамъ во мнѣніи этихъ знатоковъ, если вы не хотите окружать себя ореоломъ педантизма, если вы съ уваженіемъ отзываетесь о другихъ ученыхъ, занимавшихся однимъ съ вами предметомъ, говорите, что истина, ими открытая, дѣйствительно есть истина, если вы неставляете заботливо различія между тѣмъ, что въ вашемъ сочиненіи принадлежитъ къ прежнимъ пріобрѣтеніямъ науки и что принадлежитъ собственно вамъ,—тогда знатоки, о которыхъ мы говоримъ, съ перваго же разу поймутъ, въ чемъ дѣло, и догадаются, что вы человѣкъ неученый, поверхностный, что вы только переписываете чужіе труды, что у васъ нѣтъ самостоятельнаго взгляда, и т. д., и т. д. Очень жаль, что такимъ знатокамъ не вздумалось оцѣнить творенія Гизо, Августина Тьерри, Маколея: мы узнали бы, что всѣ эти писатели были люди малосвѣдущіе, поверхностные компиляторы. Да и Шлоссеръ не ушелъ бы отъ этого строгаго, но справедливаго приговора: вѣдь у него на каждой страницѣ встрѣчается фраза «въ этомъ случаѣ я совершенно согласенъ съ мнѣніемъ такого-то и лучшего ничего не умѣю сказать, какъ повторять его слова», послѣ чего слѣдуетъ длинная выписка.

Грановскій не напечаталъ при жизни такихъ обширныхъ и капитальныхъ сочиненій, которыя могли бы, по своему значенію для науки, быть сравниваемы съ твореніями великихъ писателей, нами названныхъ. Надобно думать, что изданіе его университетскихъ курсовъ значительно измѣнить это отношеніе. Но нѣтъ надобности ждать, пока его лекціи будутъ напечатаны, чтобы имѣть полное право признать въ немъ не только ученаго, имѣвшаго огромное значеніе для Московскаго Университета, русской литературы, русскаго просвѣщенія вообще, признать въ немъ не только перваго изъ немногочисленнаго круга

ученыхъ, занимающихся у насъ всеобщею исторіею, но и одного изъ замѣчательнѣйшихъ между современными европейскими учеными по обширности и современности знаній, по широтѣ и вѣрности взгляда и по самобытности воззрѣнія. Та небольшая статья, обзоръ которой такъ долго занималъ насъ, одна можетъ доставить достаточныя доказательства тому. Мы нарочно выбрали не другое какое нибудь сочиненіе, имѣющее болѣе серьезную вѣщность, а именно эту рѣчь, написанную очень легко и популярно, безъ всякихъ вѣщныхъ признаковъ учености и глубокомыслія, чтобы примѣръ былъ тѣмъ убѣдительнѣе. Если въ форму академической рѣчи, которая почти всегда остается наборомъ незначительныхъ общихъ фразъ, Грановскій внесъ глубокое и новое содержаніе и самостоятельную идею, то тѣмъ скорѣе можно убѣдиться, что въ его трудахъ болѣе специальныхъ эти достоинства были всегда неотъемлемыми качествами. Взглянемъ же на ученое достоинство рѣчи, съ содержаніемъ которой тотъ, кто не имѣлъ случая прочесть ее прежде, могъ ознакомиться чрезъ наши извлеченія.

Читателю, знакомому съ современною историческою литературою, хорошо извѣстно, какъ немногіе изъ нынѣшнихъ историковъ успѣли понять необходимость того широкаго взгляда, который внесенъ въ науку Шлоссеромъ и Гизо. Творенія Ранке, Преекotta, Макоlea отличаются великими достоинствами; быть можетъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, эти писатели должны быть поставлены выше Гизо и самого Шлоссера. Но по той тѣсной программѣ, которою они считаютъ возможнымъ ограничивать науку, они принадлежатъ прежнему направленію, обращавшему вниманіе почти исключительно на политическую исторію. Самъ Гегель, этотъ столь широній умъ, въ сущности еще не выходилъ изъ ея гѣсныхъ границъ. Послѣ такихъ примѣровъ, надобно ли говорить о второстепенныхъ ученыхъ? Почти всѣ они продолжаютъ держаться рутины. Слабые признаки того, что программа Гизо и Шлоссера сдѣлается общею программою историческихъ трудовъ, видимъ въ томъ, что уже довольно часто одинъ и тотъ же человѣкъ пишетъ равно основательныя сочиненія по политической исторіи и по исторіи литературы: въ примѣръ, укажемъ на Макоlea и Гervинуса. Но эти двѣ отрасли одной науки продолжаютъ оставаться для него различными науками, изъ которыхъ одной такъ же мало дѣла до другой, какъ лѣтъ тридцать тому назадъ физиологій мало было дѣла до химіи. И замѣтимъ, что такая раздѣленность, такъ стѣсняющая горизонтъ исторіи, не есть только недостатокъ выполненія, допускаемый этими историками по трудности въ одно время объять своими изслѣдованіями съ равною полнотою ту и другую отрасль историческихъ матеріаловъ: нѣтъ, она допускается не слабостью исполнительныхъ силъ автора, а преднамѣренно принимается его мыслью, какъ граница, полагаемая идеею самой науки: историкъ не то, чтобы не могъ—онъ просто не находитъ побужденія, не хочетъ дать своимъ изслѣдованіямъ болѣе широкій объемъ. Рутинна еще очень сильна. Грановскій, напротивъ того, видитъ, что даже и та болѣе широкая программа науки, которая у Шлоссера и Гизо до сихъ поръ остается смѣлымъ нововведешемъ, должна быть еще расширена присоединешемъ къ политическому и умственному элементамъ народной жизни натурнаго элемента; мало того, что онъ требуетъ расширенія границъ науки, нынѣшняя односторонность которой чувствуется очень немногими, онъ видитъ,

что ова должна стать на новомъ, прочномъ основаніи строгаго метода, котораго ей до сихъ поръ недостаетъ. Надобно ли говорить, что этимъ предсказаніемъ обозначается начало совершенно новой эпохи въ наукѣ?

Не должно обманываться тѣмъ, что Грановскій ссылается въ этихъ случаяхъ на г. Бэра, Кегле, Эмерсона: надобно только присмотрѣться къ его рѣчи, чтобы увидѣть тутъ нѣчто совершенно другое, нежели простое заимствование мыслей у того или другаго ученаго. Видно, что мысль крѣпко принадлежитъ самому Грановскому, и цитаты имѣютъ цѣлью только доказать, что не онъ одинъ такъ думаетъ, что мысль, имъ высказанная, не его личная выдумка, а выводъ изъ нынѣшняго положенія науки, дѣлаемый каждымъ принципиальнымъ человѣкомъ. Только у людей, которымъ истиннѣе говорить, что, во всякомъ случаѣ, несмотря на всѣ видимыя уступки своей собственности другимъ, они останутся довольно богаты, бываетъ это стремленіе указывать на людей, высказывавшихъ ту же самую мысль, которая кажется имъ справедливою. И, дѣйствительно, кто вникнетъ въ понятія Грановскаго, тотъ увидитъ, что они глубоко самостоятельны и прочувствованы имъ часто гораздо полнѣе и глубже, нежели тѣми людьми, на которыхъ онъ ссылается. Примѣръ у насъ передъ глазами: для Эмерсона мысль о значеніи исторіи далеко не имѣетъ той важности, какую придаетъ ей Грановскій. Надобно еще замѣтить, что существенныя приобрѣтенія наукою дѣлаются не другимъ какимъ либо опособомъ, какъ тѣмъ, что къ данной наукѣ прилагаются истины, выработанныя другою наукою. Такъ, химія обязана своими успѣхами введенію количественнаго метода, заимствованнаго изъ математики; нравственные науки нынѣ подчиняются историческому методу и, безъ сомнѣнія, много отъ него выиграютъ. Это до такой степени справедливо, что новая эпоха въ наукѣ создается чаще всего не специалистомъ, который слишкомъ привыкъ къ рутинѣ и обыкновенно отличается отъ своихъ сотоварищей только болышимъ или меньшимъ объемомъ, но не существеннымъ различіемъ въ содержаніи знанія, — преобразователями науки бывають обыкновенно люди, первоначально занимавшиеся другою отраслью знанія; такъ, напримѣръ, Декартъ, Лейбницъ, Кантъ были математики, Адамъ Смитъ профессоръ словесности и логики, и т. д. Причина тому очень проста: человѣкъ, приступающій къ глубокому изслѣдованію съ запасомъ знаній, чуждыхъ другимъ ученымъ, легче замѣчаетъ въ новомъ предметѣ стороны, ускользающія отъ ихъ вниманія. Свобода отъ рутины также много значитъ.

Изъ специалистовъ обыкновенно только немногіе обладаютъ этими качествами, необходимыми для того, чтобы пролегать въ наукѣ новые пути: солидными знаніями въ наукахъ, которыя не поставлены обычаемъ въ число такъ называемыхъ вспомогательныхъ наукъ, а отсутствіемъ рутины. Грановскій принадлежалъ къ этимъ немногимъ избранныкамъ, и кто внимательно всмотрится въ его сочиненія, которыя, по свидѣтельству всѣхъ знавшихъ его, далеко не могутъ еще назваться полнымъ отраженіемъ его богато одаренной личности, — тотъ убѣдится, что и эти немногіе и небольшие трактаты даютъ уже несомнѣнное доказательство того, что Грановскій, если бы цѣлью его дѣятельности была личная слава, могъ бы стать на ряду съ такими людьми, какъ Нибуръ, Гизо, Шлоссеръ. Но у него была другая цѣль болѣе близкая къ потребностямъ его родины: служеніе отечественному просвѣщенію, — и бла-

господеи на память его, какъ одного изъ могущественнѣйшихъ и благороднѣйшихъ дѣятелей на этомъ священномъ поприщѣ.

Мы не будемъ теперь подробно разбирать остальныхъ сочиненій Грановскаго, помѣщенныхъ въ первомъ томѣ: каждое изъ нихъ было въ свое время основательно рассмотрѣно нашею ученою критикою, и развѣ немногимъ замѣчаній должно было бы прибавить относительно того или другаго въ отдѣльности къ сказанному уже въ нашихъ журналахъ. Конечно, теперь, когда эти сочиненія возможно обозрѣвать въ ихъ связи, яснѣе прежняго становятся идеи, одушевлявшія Грановскаго, какъ ученаго писателя; но для того, чтобы характеристика ихъ духовнаго единства была полна и всесторонна, надобно дожидаться появленія втораго тома, или, что будетъ еще лучше, изданія его университетскихъ курсовъ. Мы такъ и сдѣлаемъ: если, давая намъ второй томъ, издатели выскажутъ, какъ мы ожидаемъ, надежду, что печатаніе университетскихъ курсовъ не замедлится, мы будемъ ждать этихъ курсовъ; если же не выскажется эта увѣренность, что за вторымъ томомъ скоро явятся третій и слѣдующіе, мы должны будемъ ограничиться рассмотрѣніемъ двухъ изданныхъ томовъ, какъ отдѣльнаго цѣлаго. Тогда все-таки нашъ обзоръ будетъ полнѣе, нежели могъ бы быть въ настоящее время. Итакъ, теперь мы должны сказать только по нѣскольку словъ объ отдѣльныхъ статьяхъ, вошедшихъ въ составъ изданнаго тома.

За Рѣчью о значеніи исторіи слѣдуетъ переводъ письма извѣстнаго натуралиста Эдвардса къ Августину Тьерри «О фиціологическихъ признакахъ человѣческихъ породъ и ихъ отношеній къ исторіи», съ довольно обширными примѣчаніями и предисловіемъ самого Грановскаго. Въ настоящемъ изданіи, эта статья представляется какъ бы приложеніемъ къ «Рѣчи объ исторіи», говорящей, между прочимъ, объ ученомъ значеніи письма Эдвардса. Прекрасный разборъ этого труда и вмѣстѣ «Рѣчи» Грановскаго былъ помѣщенъ г. Кудрявцевымъ въ «Отечественныхъ запискахъ» (1853 г., томъ LXXXVI).

Статью «О родовомъ бытѣ у древнихъ германцевъ» мы недавно имѣли случай разсматривать, говоря о III-мъ томѣ «Историко-юридическаго Архива», въ которомъ она была помѣщена. Здѣсь прибавимъ только, что она дѣйствительно составила эпоху въ преніяхъ о родовомъ и общинномъ бытѣ. Исслѣдователи наши увидѣли необходимость придать болѣе точности своимъ понятіямъ объ этомъ важномъ вопросѣ нашей исторіи и заняться ближайшимъ еравненіемъ формъ нашей общины съ подобными явленіями у другихъ славянскихъ племенъ и другихъ европейскихъ народовъ: тогда только рѣшится, до какой степени надобно считать явленія такъ называемаго родового быта свойственными исключительно нашей исторіи, и на сколько въ нихъ общаго съ тѣмъ, что представляетъ исторіи другихъ народовъ: рѣшится также, которое изъ двухъ различныхъ воззрѣній на эти явленія ближе къ истинѣ: то ли, которое существованіе родового быта признаетъ продолжающимся до Владиміра и Ярослава и даже далѣе, или то, которое утверждаетъ, что во времена, съ которыхъ начинаются наши историческія преданія, родовый бытъ уже распался, выделивъ изъ себя семью и превратясь въ союзъ отдѣльныхъ семей, общину фактъ, указаніе Грановскаго, и свѣта на это дѣло и послужатъ кощнѣ многимъ ошибочнымъ мнѣніемъ, будто бы, раз-

личія славянской общины отъ общинъ, какія застаеъ исторія у германскихъ и кельтскихъ племенъ.

До опредѣленія своего профессоромъ исторія при Московскомъ Университетѣ, покойный Грановскій, тогда еще нѣтъмъ неизвѣстный молодой чело-
вѣкъ, написалъ нѣсколько статей для «Библіотеки для Чтенія». Каждый знаетъ, какиѣмъ передѣлкамъ редакція этого журнала подвергала печатаемыя въ неаъ сочиненія, и издатели поступили очень благоразумно, рѣшившись не вносить въ собраніе сочиненій Грановскаго его статей, помѣщенныхъ въ «Би-
бліотеку для Чтенія», «не будучи въ состояніи отдѣлить отъ нихъ чужаго нароста и отличить тѣ измѣненія, которыя сдѣланы въ нихъ самою редакціею журнала». Они перепечатали только первую изъ нихъ: «Судьбы еврейскаго народа», чтобы дать примѣръ начальныхъ трудовъ Грановскаго по наукѣ, лучшимъ представителемъ которой былъ онъ у насъ впослѣдствіи времени.

Два изслѣдованія: «Волинъ, Іомсбургъ и Вивета» и «Аббатъ Сугерій», писанныя для полученія ученыхъ степеней, имѣютъ много общаго: оба они, въ угодность обычаю, облечены формою специализма, которой не любилъ Гранов-
скій, и могутъ совершенно удовлетворить строгихъ цѣнителей вѣрныхъ при-
знаковъ учености. Оба одинаково имѣютъ предметомъ спеціальныя вопросы всеобщей исторіи, обработку которыхъ Грановскій вообще не считалъ дѣломъ, должествующимъ лежать на русскомъ ученомъ, занимающемся всеобщей исто-
ріею. Онъ выражался объ этомъ такъ: «Одно изъ главныхъ препятствій, мѣшающихъ благотворному дѣйствию исторіи, заключается въ пренебреженіи, жакос историки оказываютъ обыкновенно къ большинству читателей. Они, по-
видимому, пишутъ только для ученыхъ, какъ будто исторія можетъ допустить такое ограниченіе, какъ будто она по самому существу своему не есть самая популярная изъ всѣхъ наукъ, призывающая къ себѣ всѣхъ и каждаго. Къ счастью, узкія понятія о мнимомъ достоинствѣ науки, унижающей себя иска-
ніемъ изящной формы и общедоступнаго изложенія, возникшія въ удушливой атмосферѣ нѣмецкихъ ученыхъ кабинетовъ, несвойственны русскому уму, лю-
бящему свѣтъ и просторъ. Цеховая, гордая своею исключительностью наука не вправѣ рассчитывать на его сочувствіе». Официальная цѣль, съ которою написаны оба изслѣдованія, поставила Грановскаго въ необходимость сдѣлать уступку обычнымъ требованіямъ, и, сохранивъ общедоступность и интересность въ изложеніи, давъ своимъ частнымъ темамъ такое значеніе, что онѣ получили непосредственное отношеніе къ историческимъ вопросамъ дѣйствительной важ-
ности, онъ снабдилъ ихъ аппаратомъ спеціальной учености въ разныхъ эпи-
зодическихъ отступленіяхъ и многочисленныхъ примѣчаніяхъ. Рутинисты не могли указать никакого недостатка въ этомъ отношеніи, хотя и старались найти его, зная мнѣніе Грановскаго о рутинѣ. Они были побуждены собствен-
нымъ оружіемъ, и когда одинъ изъ ихъ аколитовъ отважился было—вѣ-
роятно, безъ совѣта старѣйшинъ—выступить гверильасомъ противъ «Аббата Сугерія», воображая, что разбирать ученые сочиненія такъ же легко, какъ переписывать чужія лекціи, г. Бабстъ обнаружилъ крайнюю несостоятельность внушеній, которымъ поддался этотъ отважный ученый.

«Четыре историческія характеристики», публичные лекціи, читанныя въ 1851 году, были приняты публикою съ обычнымъ восторгомъ. Въ самомъ

дѣлѣ, онѣ соединяють вѣрность ученаго пониманія съ увлекательнымъ изложеньемъ; особенно лекціи объ Александрѣ Македонскомъ возвышаются до истинной поэзіи: едва ли кто нибудь изобразилъ личность гениальнаго юноши съ такою вѣрностью и такимъ блескомъ, какъ Грановскій.

Лекціи о Тимурѣ, Александрѣ Македонскомъ, Людовикѣ IX и Вѣконѣ не уступаютъ достоинствомъ статья, заключающая первый томъ: «Пѣсни Эдды о Нифлунгахъ». Г. Кудрявцевъ справедливо называетъ этотъ очеркъ «мастерскимъ» и указываетъ на него, какъ на «образчикъ того, съ какою любовью и съ какимъ знаніемъ дѣла занимался профессоръ изученіемъ литературныхъ памятникъ въ связи съ исторіею».